

ССЫЛКА НА ЗАПАДЪ

ВЪ ЕЯ

ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ

И

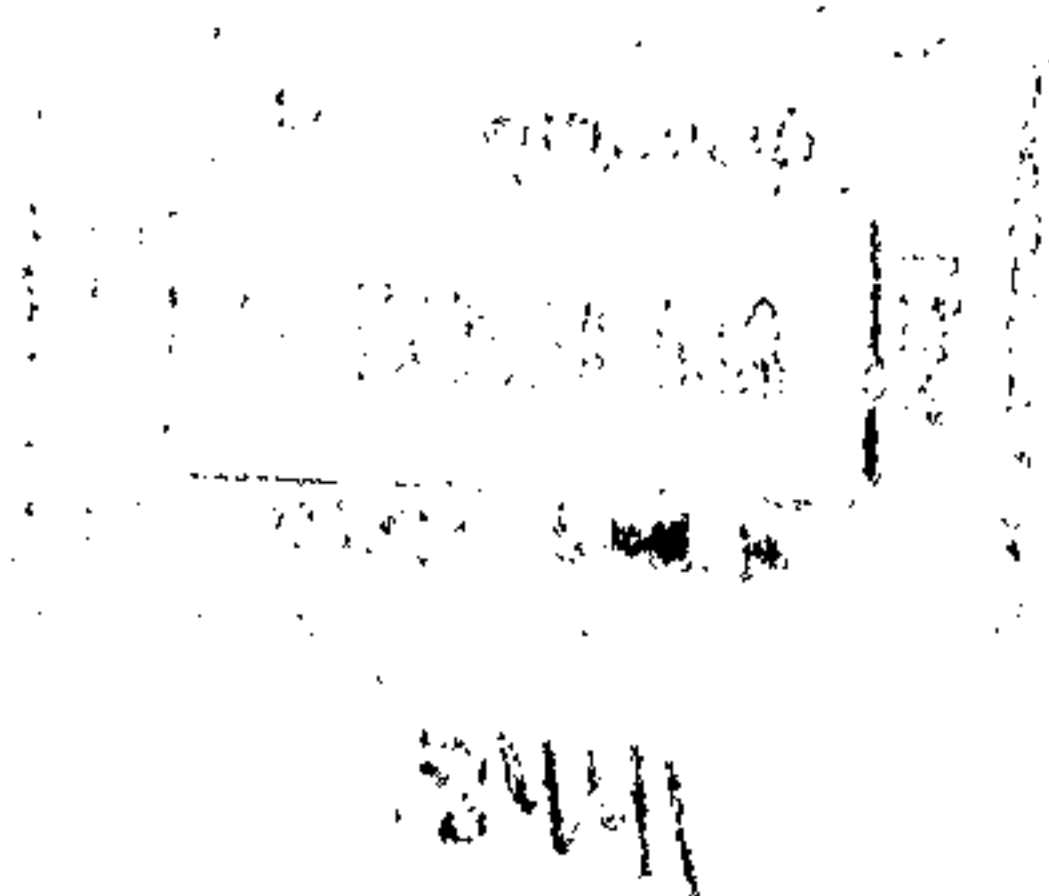
СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ

И. Я. Фойницкаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

1881

Въ системѣ нашихъ наказаній, ссылка занимаетъ видное мѣсто. Ей подвергается ежегодно весьма большое число лицъ, направляемыхъ на постоянное жительство въ сибирскія и иныя отдаленныя мѣстности. Кромѣ того, помимо своего значенія карательнаго, ссылка имѣетъ у насъ весьма крупное значеніе мѣры административной.

Между тѣмъ, русская литература въ высшей степени бѣдна работами, посвященными ссылкѣ. Мы не имѣемъ ни одного полного историко-юридическаго ея изслѣдованія; существуетъ лишь небольшое число монографій, затрогивающихъ нѣкоторыя ея стороны, и то только въ отношеніи бытовомъ.

Причина этого, на первый взглядъ непонятнаго, явленія, лежитъ, однако, не въ недостаткѣ интереса нашего общества къ судьбамъ русской ссылки. Вопросъ о ссылкѣ неоднократно возбуждался въ правительственныхъ сферахъ, и каждый разъ общество слѣдило за нимъ съ живѣйшимъ вниманіемъ. Если, не смотря на то, до сихъ поръ не появилось спеціальнаго юридическаго труда о ссылкѣ русской, то фактъ этотъ находитъ себѣ достаточное объясненіе въ малодоступности матерьяловъ, существенно необходимыхъ для ея разработки.

Въ этомъ отношеніи авторъ настоящаго сочиненія оказался въ болѣе благопріятномъ положеніи. Вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, и особенно благодаря содѣйствію, ему оказанному со стороны многихъ лицъ, о которомъ будетъ уместнѣе сказать впослѣдствіи, при изложеніи ссылки русской, онъ былъ поставленъ въ возможность значительно пополнить имѣющійся о ней запасъ свѣдѣній. Безъ новаго, ему открывшагося и до сихъ поръ остававшегося недоступнымъ для науки матерьяла, какъ онъ убѣдился, изложеніе русской ссылки страдало бы существен-

ными пробѣлами, и многія ея стороны остались бы совершенно невыясненными.

Уже болѣе трехъ лѣтъ посвящено авторомъ на ознакомленіе съ этимъ матерьяломъ, сокрытымъ въ архивахъ нашихъ центральныхъ государственныхъ установленій, вѣдавшихъ судьбами русской ссылки со временъ отдаленныхъ. Разрабатывая его, авторъ отъ времени до времени дѣлился своими изысканіями въ этой области съ русскимъ обществомъ, а нынѣ предпринятый имъ общій трудъ о ссылкѣ въ Россіи близится къ окончанію.

Но ссылка, хотя въ менѣе значительныхъ размѣрахъ, чѣмъ у насъ, примѣнялась и въ другихъ странахъ, имѣющихъ о ней богатый опытъ и прекрасную литературу. Сказать послѣднее и рѣшительное слово о ссылкѣ русской, безъ ознакомленія со ссылкой Запада, представляется рѣшительно невозможнымъ. Данные ссылки Запада могутъ пролить и дѣйствительно проливаютъ яркій свѣтъ на многія стороны русской ссылки, хотя и развивавшейся независимо и даже вопреки западно-европейскимъ вѣяніямъ.

Въ этихъ именно видахъ авторъ счелъ своею непремѣнною обязанностью, даже отсрочивая удовольствіе видѣть опубликованными всѣ собранныя имъ новыя свѣдѣнія о русской ссылкѣ, дать предварительно разработку матерьяла Запада. Ей и посвящается настоящее сочиненіе.

Первоначально, авторъ предполагалъ изложить ссылку Запада въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ. Но это оказалось возможнымъ только относительно ссылки древняго Рима и ссылки англійской, о которыхъ имѣется прекрасное изслѣдованіе Гольцендорфа, принадлежащее германской литературѣ, легко доступной и русскому читателю. Трудно сказать что-либо новое, въ отношеніи фактическомъ, послѣ этой работы; не легко даже избѣгать повтореній и бросить на историческія событія иной свѣтъ, различный отъ того, въ которомъ ихъ видѣлъ этотъ внимательный изслѣдователь. Но несравненно меньшее значеніе имѣетъ его изслѣдованіе для ссылки французской, едва начинавшейся въ моментъ изданія его труда. А между тѣмъ, Франція выработала за послѣднее время совершенно новый типъ ссылки, глубоко отличающійся отъ ссылки англійской. Полнаго изложенія и оцѣнки его нѣтъ еще ни въ одной изъ литературъ Запада. Авторъ былъ

поставленъ въ необходимость разработки его исключительно на основаніи сырого матерьяла, и, за отсутствіемъ гдѣ бы то ни было систематическаго изложенія его, долженъ былъ взять на себя восполнить этотъ пробѣлъ. При этомъ, очевидно, онъ не могъ, безъ существеннаго ущерба для полноты и ясности характеристики французской ссылки, сжать свое изложеніе о ней до тѣхъ предѣловъ крайней необходимости, которыхъ онъ держался при изложеніи ссылки Рима и Англіи. Кромѣ того, онъ счелъ своею обязанностью прибавить указаніе тѣхъ попытокъ и стараній, которыя сдѣланы были по отношенію къ ссылкѣ въ новѣйшее время другими народами Запада, въ ихъ индивидуальныхъ или коллективныхъ усиліяхъ.

Издавая предлагаемое изслѣдованіе ссылки на Западѣ отдѣльнымъ сочиненіемъ, авторъ руководился тѣмъ соображеніемъ, что на ссылку Запада въ ея разнообразныхъ формахъ русская ссылка не имѣла рѣшительно никакого вліянія (§ 106), между тѣмъ какъ народы запада разрабатывали идею ссылки, можно сказать, на родственномъ основаніи; они стоятъ въ тѣсной другъ съ другомъ связи, совместно пользуясь капиталомъ опыта, пріобрѣтавшимся хотя и каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, но быстро становившимся общимъ ихъ достояніемъ. Будучи трудомъ предварительнымъ по отношенію къ разработкѣ ссылки русской, настоящее изслѣдованіе, по содержанію своему, есть въ то же время, какъ думаетъ авторъ, трудъ совершенно законченный, самостоятельный и отдѣльный отъ работъ, которыя могутъ быть посвящены изслѣдованію ссылки въ нашемъ отечествѣ, значительно ихъ облегчающій.

ГЛАВА I.

ССЫЛКА ПО РИМСКОМУ ПРАВУ

И

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАМЪ, ЕМУ СЛѢДОВАВШИМЪ¹⁾).

§ 1. Изгнаніе, высылка и ссылка. Аппны.—§ 2. *Sacratio; aquae et ignis interdictio*; добровольное удаленіе изъ отечества.—§ 3. Релегация.—§ 4. Депортация: ея историческія основы.—§ 5. Ея юридическая природа.—§ 6. Отношеніе ея къ релегации.—§ 7. Наказанія для *humiliores*. *Servitus poenae*.—§ 8. Публичныя работы.—§ 9. Паралель наказаній по различію лицъ.—§ 10. Система наказаній послѣднихъ временъ имперіи.—§ 11. Колонизаціонное и карательное значеніе римской ссылки.—§ 12. Каноническое право.—13. Германія.—§ 14. Испанское законодательство.

§ 1. Наказаніе предметомъ своимъ избираетъ какое-либо принадлежащее нарушителю и дорогое для него благо. Чѣмъ грубѣе общество, чѣмъ ниже въ немъ уровень политической и гражданской свободы, тѣмъ уже и объемъ благъ, которыми дорожить лицо: среди такихъ народовъ и такихъ эпохъ наказаніе, зависящее, притомъ, отъ произвола потерпѣвшаго, почти исключительно ограничивается благами физическими—

¹⁾ Главнѣйшіе источники и пособія:

Дигесты, кодексъ и новеллы.

Holtzendorff, die Deportation als Strafmittel, Leipzig, 1859.

Du Boys, histoire du droit criminel des peuples anciens, Paris, 1845.

Du Boys, histoire du droit criminel des peuples europeens, Paris, 1865.

Thonissen, le droit pénal de la république Athénienne, Bruxelles, 1875.

Grimm, deutsche Rechtsalterthümer, Göttingen, 1854.

Wilda, Strafrecht der Germanen, Halle, 1842.

Mayer, Geschichte der Strafrechte, Trier, 1876.

жизнью, тѣломъ. Но гдѣ культура выше, тамъ появляется область иныхъ дорогихъ для человѣка благъ, благъ общественныхъ; тамъ и кара, оставаясь дѣйствительною, можетъ обратиться къ общественной сферѣ нарушителя—къ его гражданскому состоянію, къ его свободѣ, къ его имуществу. Превжній характеръ наказанія какъ физическаго страданія смягчается, сглаживаются его кровавыя очертанія.

Ссылка принадлежитъ къ этому послѣднему типу наказаній. Она направляется противъ правъ гражданственности нарушителя, противъ тѣхъ благъ, которыми онъ пользовался какъ членъ родного общежитія, образуя высшую ступень наказаній правопоражающихъ. Назначаясь безъ всякихъ иныхъ прибавокъ, которыя имѣли бы своимъ предметомъ свободу или имущество наказываемаго, она есть *изгнаніе* въ простѣйшей формѣ. Придатокъ имущественныхъ лишеній сообщаетъ ей большую строгость, не измѣняя ея характера. Придатокъ лишенія или ограниченія свободы передвиженія превращаетъ изгнаніе въ *высылку* (*deportatio*). Присоединеніе къ высылкѣ такихъ задачъ, осуществленіе которыхъ требуетъ продолжительнаго воздѣйствія на наказываемаго и государственныхъ о немъ заботъ, создаетъ *ссылку* въ тѣсномъ смыслѣ (*transportation*).

Цѣлая пропасть лежитъ между этими разнообразными формами. Для того, чтобъ выработать послѣднюю, исторія должна была пережить двѣ первыя. Подлѣ изгнанія и высылки, въ виду военнаго склада молодого общества, существовала особая система наказаній для людей, которыхъ тогдашняя культура не допускала въ благамъ политической и гражданской свободы и держала въ подчиненномъ состояніи. Для нихъ лишеніе этихъ благъ было бы лишеніемъ фиктивнымъ, недѣйствительнымъ. Въ новомъ строѣ удерживается старая полоса страданій физическихъ. Развитие нуждъ общественныхъ порождаетъ мысль эксплуатировать эти страданія для пользы цѣлаго; вводится продажа въ рабство; вводятся, затѣмъ, карательныя публичныя работы, позорныя, тяжкія, мучительныя, дополняющія институтъ рабства. Какой огромный прогрессъ долженъ былъ совершиться въ человѣчествѣ, чтобы эти, столь различныя системы каръ, могли слиться въ-едино, какая сумма благопріятныхъ условій потребовалась для того, чтобы трудъ пересталъ быть позорнымъ и высылка могла превратиться въ ссылку!

Міръ восточный не могъ удѣлить ссылкѣ (въ обширномъ

смыслѣ) сколько-нибудь виднаго значенія. Оскорбленное божество требуетъ всего человѣка, мечъ полководца не знаетъ пощады врагу, власть патріархальная не имѣетъ предѣловъ. Экономическія соображенія хотя и сокращаютъ мѣстами жестокость физическихъ страданій, но не въ пользу ссылки, а въ пользу труда подневольнаго: трудомъ своихъ преступниковъ Китай возводитъ стѣны, ограждающія его отъ воинственныхъ западныхъ кочевниковъ; Египетъ, со временъ царя Сабакона, обращается къ нему для сооруженія пирамидъ. Изгнаніе и конфинація хотя иногда и практикуются, но въ случаяхъ весьма рѣдкихъ и въ значеніи каръ неважныхъ. Только въ странахъ теократическихъ ссылка получаетъ большее развитіе: здѣсь существовали касты, изверженіе изъ которыхъ означало удаленіе отъ божества; за предѣлами этихъ странъ дѣйствовала иная религія, такъ что изгнаніе изъ отечества въ тоже время означало удаленіе отъ культа отцовъ, кару божію. Индія извергала изъ касты, изгоняла изъ государства. Еврейское *sarath* было божіимъ проклятіемъ, поражающимъ не только самого проклятаго, но и его семью и потомство, имѣвшимъ въ результатъ запрещеніе всякихъ съ нимъ сношеній, удаленіе его отъ всякаго церковнаго и гражданскаго общенія съ народомъ. Въ случаяхъ болѣе мягкихъ, оно искупалось наказаніемъ по суду человѣческому—смертною казною и тѣлеснымъ бичеваніемъ. Съ теченіемъ времени, обложенныя имъ преступленія начали наказываться также изверженіемъ, изгнаніемъ виновнаго изъ общины.

Для грека государство было не только сферою юридической жизни, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сферою жизни религіозной и семейственной. Здѣсь сосредоточивались всѣ дорогіе ему предметы—могилы отцовъ, домашній алтарь, любимые храмы боговъ, общественныя игры, народная площадь. За предѣлами роднаго государства стоялъ міръ варварскій, совершенно ему чуждый и враждебный. Повинуть Грецію, значило для него лишиться не только фактическаго пользованія правами политическими, которое и само по себѣ было для него весьма дорого, но и еще возможности участія въ національномъ культѣ. Отсюда становится понятнымъ, почему Аѳины не встрѣчали препятствій дозволить свободнымъ гражданамъ, подлежащимъ смерти, ранѣе суда уходить въ вѣчное изгнаніе. Имущество такого изгнанника конфисковалось, всѣ его прежнія связи разрушались. Затѣмъ изгнаніе стало назначаться и народными судами, за разныя преступленія противъ

государства, религіи и общихъ интересовъ страны. Какъ наказаніе уголовное, стоявшее непосредственно за смертною казнью, оно опредѣлялось пожизненно, сопровождалось конфискаціо имущества, разрушеніемъ семейнаго союза и запрещеніемъ всѣмъ и каждому оказывать помощь изгнаннику или даже вступать съ нимъ въ какія бы то ни было сношенія. При самовольномъ возвращеніи его ожидала смертная казнь.

Отъ этой уголовной формы удаленія изъ отечества нужно отличать форму политическую и форму предупредительную.

Остракизмъ назначался не судомъ, а народомъ, какъ его политическое право; ему подпадали граждане, возраставшее могущество которыхъ могло быть опаснымъ для государства; но, съ развитіемъ гражданскихъ распръ, эта мѣра стала однимъ изъ обыкновенныхъ орудій въ борьбѣ партій. Изгнанный въ порядкѣ остракизма не лишался ни имущества, ни иныхъ гражданскихъ правъ; онъ могъ возвратиться на родину въ качествѣ полноправнаго гражданина по истеченіи 10 лѣтъ.

Предупредительное удаленіе изъ отечества направлялось къ ограниченію частной мести. Совершившимъ случайное убійство было предоставлено искать убѣжища въ храмахъ. Если, по произведенному суду эфетовъ, оказывалось, что убійство дѣйствительно было случайнымъ, то совершившій его принимался подъ особую охрану власти, но ему предписывалось, для избѣжанія мести и умиротворенія семьи убитаго, удалиться изъ страны на одинъ годъ. Никакія праволишенія не соединялись съ этимъ актомъ.

Такъ поступала Греція относительно своихъ гражданъ. Для не-гражданъ и рабовъ наказанія носили характеръ физическихъ страданій, и смертная казнь играла между ними видную роль. Иногда практиковалась продажа въ рабство, причемъ вырученные деньги шли или полностью въ казну, или раздѣлялись ею съ потерпѣвшимъ. Публичныхъ уголовныхъ работъ мы еще не встрѣчаемъ.

§ 2. Древнее, архаическое право римлянъ носить религіозный характеръ ¹⁾. Даже мечь имѣла здѣсь, какъ и въ древней Греціи, болѣе характеръ религіозной обязанности, чѣмъ личнаго произвола потерпѣвшаго. Независимо отъ того,

¹⁾ О религіозномъ моментѣ въ древнемъ римскомъ уголовномъ правѣ *Ihering*, *Geist d. römischen Rechts*, § 18.

изъ ряда преступленій выдѣляются дѣянія, которыя считались оскорбляющими божество и которыя давали каждому гражданину право и обязанность убить виновнаго, искупивъ этимъ грѣхъ народа передъ божествомъ. Такими сакральными преступленіями были: уничтоженіе и передвиженіе межевыхъ зна-
ковъ; дерзкое обхожденіе дѣтей съ родителями и кліентовъ съ патронами; потеря цѣломудрія весталками; убійство, военная измѣна и нѣкоторыя преступленія противъ лѣсной и полевой собственности. Совершившій ихъ, даже безъ суда, какъ нарушитель заповѣди божіей, долженъ былъ быть принесенъ въ жертву божеству (*sacratio capitis*). Его имущество конфисковалось въ пользу боговъ. Если ему удавалось скрыться, его преслѣдовало запрещеніе воды и огня (*aquae et ignis interdictio*): это былъ народный приговоръ, постановляемый въ доказательство того, что между народомъ и преступникомъ закона божьяго разрушалась всякая связь. Основатель римскаго государства былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ исполнителемъ сакраціи; жертвою ея палъ родной его братъ, нарушившій законъ о границахъ.

Развитіе римскаго могущества и гражданской свободы ставятъ значеніе римскаго гражданина на высоту почти недостижимую. Онъ рѣзко отличилъ себя отъ побѣжденныхъ и подвластныхъ, запретилъ прикосновеніе къ своему тѣлу и удалилъ отъ себя палача ¹⁾. И такъ какъ государство для римлянина временъ начала республики имѣло еще болѣе всеобъемлющее значеніе, чѣмъ для грека; такъ какъ съ потерю отечества онъ терялъ все ему дорогое и наполнявшее его жизнь—національный культъ, семью, домашній алтарь съ его ларями и пенатами, политическое могущество, уваженіе иноземцевъ, шумный форумъ,—то здѣсь съ болѣею еще силою повторяется явленіе, которое мы уже имѣли случай наблюдать въ Греціи: римскій гражданинъ безъ труда замѣняетъ смертную казнь добровольнымъ удаленіемъ изъ отечества. Поданный Коріолопомъ примѣръ нашелъ послѣдователей, число которыхъ должно было быть весьма значительнымъ въ эпоху гражданскихъ войнъ. Такъ какъ добровольное оставленіе отечества замѣняло собою смерть и было послѣдствіемъ преступленія, вызывавшаго сакрацію, то оно сопровождалось по прежнему запрещеніемъ воды и огня.

¹⁾ Остроумное объясненіе того, почему народные комиціи и квестіи не примѣняли къ римскимъ гражданамъ смертной казни, см. у *Мана*, Древнее право, пер. Бѣлозерской, Спб. 1873, стр. 303 и сл.

Но эта мягкая система наказаній, сведенная исключительно къ правопораженіямъ, существовала только для державныхъ римскихъ гражданъ. Другіе подданные республики были недостойны ея; для нихъ она не была бы и дѣйствительною, примѣрною. Поэтому, параллельно съ этою системою, республика вырабатываетъ иную, для негражданъ и рабовъ. Она основывалась на страданіяхъ физическихъ и прибѣгала главнымъ образомъ къ смертной казни, тѣлеснымъ бичеваніямъ и обязательнымъ работамъ. Эта двойственность наказаній проникаетъ всю исторію римскаго уголовного права, различавшую впоследствии два класса осужденныхъ: *honestiores* и *humiliores*.

Прослѣдимъ прежде всего систему привилегированную.

§ 3. Удаленіе изъ отечества для римскихъ гражданъ первыхъ временъ республики было не обязанностью, а правомъ, или, по выраженію Цицерона, не наказаніемъ, а убѣжищемъ отъ наказанія. Отъ его воли зависѣло или допустить дѣло до суда и, по постановленіи приговора, нести свою голову на плаху, или до постановленія приговора воспользо-ваться привилегіею своего состоянія, которой не имѣли подсудимые другихъ классовъ. Широкія льготы, принадлежавшія ему при предварительномъ изслѣдованіи дѣла, давали ему полную на то возможность: для римскихъ гражданъ подслѣдственная тюрьма не существовала. Удаленіе изъ отечества ближайшимъ послѣдствіемъ своимъ имѣло неявку къ суду, которая вела къ постановленію приговора о запрещеніи воды и огня и конфискаціи имущества. Убѣжавшій могъ избрать себѣ жительство внѣ римскаго государства по своему усмотрѣнію; но въ Римѣ юридическая сфера его личности совершенно разрушалась, и, въ случаѣ произвольнаго возврата, онъ могъ быть убитъ всякимъ безнаказанно ¹⁾.

¹⁾ По мнѣнію Гольцендорфа, опирающемуся на свидѣтельство Цицерона, потеря римскаго гражданства при удаленіи изъ отечества не нуждалась въ особомъ судебномъ приговорѣ и была прямымъ послѣдствіемъ самаго факта удаленія, такъ какъ никто не могъ быть одновременно гражданиномъ двухъ государствъ. Но еслибы это мнѣніе было правильно, то изъ него вытекало бы, что удалившійся изъ отечества и снова возвратившійся въ него пріобрѣталъ бы обратно право гражданства; въ дѣйствительности было противное. Поэтому, предпочтеніе слѣдуетъ отдать мнѣнію Игеринга, который связываетъ *aquae et ignis interdictio* не съ самымъ фактомъ удаленія изъ отечества, а съ народнымъ приговоромъ, постановлявшимся вслѣдствіе неявки обвиняемаго (*Ihering, Geist, § 36*).

Подлѣ этой мѣры и совершенно отъ нея независимо вырабатывается другая форма ссылки, *изгнаніе*, принудительное удаленіе (*relegatio*). Оно начинаетъ примѣняться властью консуловъ, для удаленія изъ Рима людей, наиболѣе опасныхъ для порядка, и скоро становится орудіемъ борьбы въ рукахъ господствовавшей партіи. Это было мѣрою политическою, которая примѣнялась властью консуловъ помимо суда и подлѣ которой, для совершенно иныхъ случаевъ, остается право добровольнаго удаленія изъ отечества съ сопровождавшимъ его интердиктомъ. Изгоняемый въ порядкѣ административномъ не терялъ гражданства, и хотя срокъ его изгнанія не опредѣлялся, но предполагалось, что онъ можетъ получить дозволеніе возвратиться по минованіи опасности. Эта административная мѣра впослѣдствіи, преимущественно въ законодательствѣ императора Адріана, получаетъ дальнѣйшее развитіе, въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, по тѣмъ же политическимъ соображеніямъ, религируемый утрачиваетъ право распоряжаться имуществомъ, остававшимся въ Римѣ; ему разрѣшено брать съ собою только опредѣленную, небольшую сумму, которая не давала бы ему возможности вести опасную агитацію противъ правительства. Во-вторыхъ, правительство въ императорскій періодъ начинаетъ назначать религируемымъ опредѣленное мѣсто жительства, въ избраніи котораго руководствуется соображеніями собственной безопасности. Но этотъ послѣдній признакъ могъ и отсутствовать въ изгнаніи, какъ свидѣтельствуется Марціанъ: *exilium*, говоритъ онъ, *triplex est: aut certorum locorum interdictio, aut lata fuga* (нынѣшняя *confinatio*), *ut omnium locorum interdicitur praeter certum locum, aut insulae vinculum, id est relegatio in insulam*.

Щедрую рукою расточали эту мѣру римскіе императоры, назначая ее какъ своимъ политическимъ врагамъ, такъ и за общія преступленія меньшей важности. Способъ примѣненія релегации и выборъ мѣстъ ея они оставляли въ своемъ непосредственномъ распоряженіи. Слѣдуя мудрому наставленію, совѣтовавшему имъ не раздражать народъ мѣрами явной кровавой расправы, они посылали своихъ противниковъ на столь же вѣрную, но не видную изъ Рима смерть, на безлюдные, дикіе утесы (*asperrimae insulae*), возвышавшіеся въ Средиземномъ морѣ и носившіе громкое названіе острововъ. Тамъ они находились подъ строгой охраной и императорскіе корсары безжалостно убивали ихъ при первой попыткѣ бѣг-

ства. Мотивъ безопасности поглощалъ всѣ остальные соображенія.

Право опредѣлять мѣсто релегациі по своему личному усмотрѣнію императоры оставляютъ за собою и тогда, когда мѣра эта входитъ въ общую систему римскихъ наказаній (съ 736 г. аб и. с.). Въ немъ лежитъ объясненіе, что начальники провинцій, которые своею властью могли назначать даже смертную казнь, были (кромѣ немногихъ дѣлъ) ограничены въ приговорахъ о релегациі и должны были посылать ихъ на утвержденіе императора. Власть назначать релегацию раздѣлили впослѣдствіи съ императоромъ только городской префектъ и воинскій начальникъ.

Релегациа какъ наказаніе изображается римскими источниками въ слѣдующемъ видѣ.

Релегациа отличена отъ наказаній уголовныхъ ¹⁾; хотя иногда она называется роена capitis ²⁾, но только въ томъ смыслѣ, что наказаніе это назначается публичными судами. Выдѣляясь изъ ряда наказаній уголовныхъ, она не сопровождалась ни потерей правъ гражданскихъ, ни лишеніемъ имущества; но релегированный былъ болѣе или менѣе стѣсненъ въ свободѣ передвиженія ³⁾, а потому и въ распоряженіи своими правами, и вслѣдствіе этого релегациа считалась наказаніемъ позорящимъ, *qui ad existimationem pertinet*.

Наказаніе это распадалось на *relegatio ad tempus, in perpetuum* и *in insulam* ⁴⁾. Каждый послѣдующій видъ считался строже предъидущаго; такъ, за побѣгъ или за совершеніе новаго преступленія релегированный на срокъ подвергался релегациі пожизненной, а релегированный пожизненно подвергался релегациі на острова, которая примыкала уже непосредственно къ уголовному для привилегированныхъ наказанію—депортациі. Первые два вида релегациі состояли или въ запрещеніи проживать въ опредѣленной мѣстности (напр. въ Римѣ и его окрестностяхъ на указанномъ разстояніи) съ правомъ жить во всякомъ иномъ пунктѣ, или же въ запрещеніи покидать назначенную для жительства мѣстность, находившуюся на твердой землѣ. Обязанность жить въ назначенномъ мѣстѣ (*confinatio*) по римскимъ взглядамъ считалась

¹⁾ Fr. 4, 5, 7 и др. Dig. de poenis, 48, 22; fr. 28 § 1 D. 48, 19: „...ad existimationem, non ad capitis periculum pertinet“.

²⁾ Fr. 12 § 4 Dig. de accus. 48, 2.

³⁾ Fr. 4 Dig. 48, 19. „relegati... debent locis interdictis abstinere“.

⁴⁾ Fr. 28 § 1 cod.

особенно позорною. Срочная релегация назначалась на 1 годъ, на 3 года и на 5 лѣтъ. Релегация на острова всегда была пожизненною, прекращаемою лишь актомъ помилованія.

На релегированномъ лежала обязанность не нарушать состоявшагося относительно его запрещенія въѣзжать или выѣзжать изъ опредѣленной мѣстности. Иногда, по особому усмотрѣнію императоровъ, релегированные въ назначенныхъ имъ для жительства мѣстахъ заключались въ особыхъ тюремныхъ помѣщеніяхъ, подъ охраною стражи. Но они не подвергались обязательному труду и снискивали себѣ пропитаніе своими силами. Лишь въ нѣкоторыхъ, единичныхъ случаяхъ, содержаніе назначалось имъ отъ государства.

Депортация: изъ историческаго основанія.

§ 4. Подлѣ релегации въ императорскій періодъ появляется, первоначально также лишь въ значеніи мѣры административной, и другая, болѣе строгая форма ссылки—*депортация*, соединенная съ потерей гражданства и *конфискаціей* имущества. Мѣра эта стоитъ въ ближайшей связи съ древнимъ интердиктомъ, характеръ котораго существенно измѣнился.

Право добровольнаго удаленія изъ отечества не могло удержаться съ развитіемъ императорской власти. Объемъ неприкосновенности римскихъ гражданъ сокращается, что, между прочимъ, привело къ примѣненію болѣе строгихъ мѣръ обезпеченія явки при досудебномъ изслѣдованіи. Понятно, это должно было затруднить фактическую возможность оставленія отечества, и обвиняемый являлся къ суду (въ сенатъ и пр.), который произносилъ наказаніе по старой сакральной формулѣ. Сохраняя конфискацію имущества и лишеніе правъ гражданства, императоры замѣняютъ смерть удаленіемъ осужденныхъ въ особо назначенныя мѣстности. Указаніе этихъ мѣстъ и способовъ примѣненія самаго наказанія остается въ рукахъ императоровъ, для которыхъ депортация, подобно релегации, была однимъ изъ могущественныхъ политическихъ мѣръ борьбы, но еще болѣе тягостною. Мѣста депортации выбирались такимъ образомъ, чтобы „пребываніе въ нихъ сдѣлать преддверіемъ скорой смерти“, такъ что она долго означала казнь тайную вмѣсто казни явной, избѣгаемой для того, чтобы не раздражать народъ ¹⁾. Съ теченіемъ времени, путемъ толкованія юристовъ и отдѣльных узаконеній, и эта мѣра входитъ въ общую систему римскихъ наказаній, и хотя подлѣ нея для нѣкоторыхъ случаевъ (напр. *crimen vis publica*) со-

¹⁾ *Holtzendorff*, в. с. стр. 61.

хранилась и старая форма aquae et ignis interdictio, но на практикѣ она уже слилась съ депортаціей.

Римско-дигестская депортация.

§ 5. Депортація, въ противоположность релегации, отнесена къ наказаніямъ уголовнымъ и поставлена на ряду со смертной казнью и пожизненными работами въ рудникахъ ²⁾. Не ограничиваясь existimatione, наказаніе это имѣло своимъ предметомъ полноправность гражданина въ полномъ ея объемѣ, совершенно выдѣляя наказаннаго изъ среды гражданского римскаго общества и всей его юридической жизни. Депортированный въ тоже время считался интердигированнымъ и утрачивалъ всѣ права, вытекавшія ex jure civili; что касается правъ его ex jure gentium, то хотя онъ юридически за нимъ и оставлялись ²⁾, но фактически, по складу самаго наказанія и въ силу особыхъ о немъ опредѣленій, подвергался существеннымъ ограниченіямъ.

(Какъ наказаніе уголовное, связанное съ полною потерей гражданства, депортація есть кара вѣчная, пожизненная. Она не могла быть назначаема на срокъ, уподобляясь въ этомъ отношеніи осужденію in metallum, которое было уголовнымъ рабствомъ римскаго права, существовавшимъ для непривилегированныхъ. Но отъ пожизненной релегации она отличалась по объему поражаемыхъ правъ.

По мѣсту исполненія, депортація распадалась на депортацію простую и депортацію на острова. Последняя считалась болѣе тяжкою, но различіе это не создавало никакого различія въ объемѣ правоприлишеній. Для простой депортации избирались отдаленныя провинціи по усмотрѣнію императора, ничѣмъ въ этомъ отношеніи не стѣсненнаго. Подобно релегированнымъ въ опредѣленную мѣстность, депортированные не могли произвольно покидать ее; за побѣгъ они наказывались смертію ³⁾.

Имѣя прямымъ послѣдствіемъ capitis diminutio magna, депортація вела къ потерѣ отеческой власти, правъ союза родственнаго (опека), правъ патроната со всѣми его юридическими послѣдствіями и къ расторженію союза брачнаго въ

¹⁾ Fr. 28 Dig. de poenis, 48, 19: „Capitalis poenarum fere isti gradus sunt: summum supplicium... deinde proxima morti poena metalli coercitio; post deinde in insulam deportatio“; ib. 6, § 2.

²⁾ Fr. 15 Dig. de interdictis, 48, 19.

³⁾ Fr. 4 Dig. de poenis, 48, 19: „hoc jure utimur, ut [relegatus] indictis locis non excedat; alioquin... in insulam deportato poena capitis irrogatur“; fr. 28, § 13 ibid.: „qui deportatus evaserit, capite puniatur“.